

**ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№3

2009

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2009

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Бийский педагогический государственный университет имени
В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), Н.Е. Меднис (Новосибирск), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуролапкая

Секретариат

О.А. Ковалев – отв. секретарь по литературоведению
Н.В. Панченко – отв. секретарь по лингвистике
М.П. Чочкина – отв. секретарь по фольклористике

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovets01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2009

ПОЧЕРКИ НОВОЙ ЭПОХИ: О ПОВЕСТИ УДМУРТСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г. КРАСИЛЬНИКОВА «ОСТАЮСЬ С ТОБОЙ»

Т.И. Зайцева

Ключевые слова: удмуртская проза, национальное художественное мироощущение, герой, сюжет.

Keywords: Udmurt prose, national artistic attitude, the character, the plot.

Переоценка литературных ценностей последних десятилетий особенно сильно отразилась на проблеме осмысления творчества национальных писателей, жизнь и деятельность которых приходится на советский исторический период. По отношению к удмуртской литературе А. Шкляев справедливо считает, что «каждый из них (писателей. — Т.З.) на той или иной стадии развития прозы был единственным ее представителем, а стало быть, он отражал определенную стадию национального художественного мышления и национальной жизни» [Шкляев, 1992, с. 86–87]. Среди писателей, оказавших значительное влияние на развитие удмуртского литературного процесса 1950–1970-х годов, следует назвать имя Г.Д. Красильникова (1928–1975). Этапными для эволюции национального литературного самосознания стали его лирическая повесть «Тонэн кылысько» («Остаюсь с тобой», 1960), проблемно-философский роман «Арлэн кутсконэз» («Начало года», 1965), социально-психологический рассказ «Кошкисез мед кошкоз» («Уходящий пусть уходит», 1971) и рассказ-зарисовка «Рваные сны» (1974), написанный на русском языке в стиле модернизма. К сожалению, наблюдаемая в последние годы в среде молодых удмуртских ученых и критиков тенденция к противопоставлению современной и советской национальной литературы, касающаяся и творчества Г. Красильникова, оборачивается не только формированием у читателя негативного отношения к именам и книгам «советских классиков», но и игнорированием вопроса о необходимости новой интерпретации их произведений, объективной оценки художественного опыта прошлых лет.

При всем обилии публикаций, посвященных Г. Красильникову, многие его произведения до сих пор не стали предметом литературоведческого осмысления или остаются прочитанными лишь на уровне их тематики и фабульного содержания. Известный исследователь удмуртской литературы венгерский ученый Петер Домокош, работы которого без сокращений и коррекции начали печататься в республике

лишь с 1990-х годов, пишет: «Г. Красильников – наиболее европейский удмуртский писатель <...> Его образы и характеры достоверны, сложны, его нельзя обвинить в негибкости, применении черно-белых красок» [Домокош, 1993, с. 384]. Действительно, Г. Красильников – один из первых удмуртских авторов в национальной литературе конца 1950–1960-х годов, кто быстро осознал свои творческие задачи: развитие и углубление психологизма, борьбу с политизированной иллюстративностью, реабилитацию фольклора, родного языка и народной точки зрения на мир и человека, ориентацию на традиции литератур, имеющих большой исторический опыт, и прежде всего русской.

Точкой отсчета для нового этапа развития удмуртской литературы стала повесть Г. Красильникова «Остаюсь с тобой», которая оказалась в русле интенсивных поисков всей отечественной литературы тех лет и новой манеры диалога с читателем. В центре повести, написанной от лица выпускника сельской школы Алексея Курбатова, – первые столкновения молодого человека с окружающим миром. «Бунтующий», противостоящий серости будней герой русской «молодежной» прозы 1960-х годов в поисках своего места в жизни часто выбирал далекие дороги и чуждаемые края. «Тяга к дальним странствиям, реализация образа “пожирателя километров” стала, пожалуй, первой стилиевой приметой “молодежной прозы”, имеющей и единый содержательный смысл» [Никонова, 1999, с. 598–599], – отмечает Т. Никонова.

В повести Г. Красильникова «Остаюсь с тобой» поиски Курбатовым своего жизненного пути, самого себя, собственного предназначения связаны с возвращением героя в отчий дом, осознанием себя частью родного края. С этим связано и название повести. Удмуртский писатель, будучи подверженным тем же творческим проблемам и поискам, что и авторы русской «молодежной» прозы того времени, реагирует на это соответственно личностному и национальному опыту, традициям крестьянской нравственности и особенностям народной жизни. Одним из результативных средств сближения прозы с жизнью является «преломление изображенного в ней мира через призму лирического Я автора» [Зайцев, 2004, с. 140]. Известно, что многое из того, о чем говорится в «Остаюсь с тобой», совпадает с биографией самого автора. Исповедальное, автобиографическое начало повести обеспечило ей небывалую популярность в республике, многие земляки писателя испытывали ощущение внутреннего родства с его литературным героем, узнавали свойственные времени ценности и проблемы. Источник замысла повести «Остаюсь с тобой» раскрывают слова автора: «Оканчивают школу и мечутся <...> Хотелось им (выпускникам сельских

школ. – Т.3.) сказать: можно найти себя в любом труде» [Красильников, 1967].

Повесть зафиксировала новое качество удмуртской прозы, существенно пересмотрев ее конфликт, который, как правило, строился по принципу столкновения полярно разнонаправленных героев, представляющих собой противоборство идейных антиподов. На первом плане в «Остаюсь с тобой» не привычное противостояние двух героев-руководителей («хороший» – «плохой») колхозного или производственного коллектива и не столкновение героя с внешним миром, а конфликт человека с собственными установками. Форма повествования от лица молодого героя дала писателю возможность показать его личность «изнутри», передать естественную гамму чувств, мыслей, переживаний обыкновенного сельского парня. Г. Красильников показывает, как сталкиваются, взаимодействуют, изменяются в сознании героя ценностные ориентации, укрепляются нравственно-значимые жизненные цели, за которыми угадываются его этнопсихологические особенности.

Алексей Курбатов на пороге зрелости, он полон больших надежд и смелых намерений. Его увлекает и кажется ему заманчивой городская жизнь, у него идеализированное представление о профессии инженера-авиаконструктора. Не пройдя по конкурсу в институт и не сумев закрепиться в городе, испытав первые неудачи и разочарования, Алеша вынужден возвратиться в родную деревню и начать работать в колхозе. Еще долго будет манить парня город, он мечтает о том дне следующего года, когда снова поедет поступать в институт и навсегда покинет опустылевший ему колхоз. В образе своего героя писателю удалось запечатлеть черты выросшей в послевоенных условиях сельской молодежи. В отличие от своих родителей, молодые люди получили полное школьное образование. Перед юными жителями удмуртской деревушки Чураево открылись возможности, неведомые для их отцов и матерей. Но что беспокоит и огорчает Красильникова в этих жизнерадостных романтиках, гордо шагающих по центральной сельской улице с аттестатами зрелости в руках? Их мечты о будущем никак не связаны с родным селом, с отчим краем. Выходцы из деревенской среды, они чужаются знакомого с детства крестьянского труда, стыдятся своих полуграмотных родителей. У многих из них не развиты любовь к труду на земле, чувство кровной связи с ней.

Этому во многом способствовала школа. Показывая неподготовленность выпускников средних школ к самостоятельной жизни, писатель поднял злободневную проблему сельского школьного образова-

ния, не прививающего любовь к родной земле, понимание собственной созидательной роли в ее благоустройстве. Школа дала ребятам определенную сумму знаний, научила разбираться в науках, школьные учебники и школьные фестивали открыли им историю народов мира и географию дальних мест, но она не научила их любить «малую» Родину и трудиться на ее благо.

В предвкушении будущей городской привольной жизни молодые люди с необычайной легкостью готовы оставить деревню, родительский дом. Затрагивая проблему повального ухода молодежи из села в город, писатель подчеркивает тот факт, что сами родители, потомственные крестьяне, не желают связывать будущее своих детей с земледельческим трудом. Писатель рассматривает это явление как ответную реакцию деревни на послевоенное насильственное закрепление на земле крестьян, вынужденных на пределе человеческих сил поднимать полуразрушенную страну в условиях абсолютно неравного положения села в сравнении с городом. Перед такой проблемой стоит удмуртская (и, в целом, российская) деревня и сегодня, в двадцать первом веке.

Источник драмы героев Красильникова в том, что в них не развито подлинно личностное, неповторимо индивидуальное начало, национальное самосознание и достоинство. Понесла, закрутила жизнь красивую Раечку Березину, школьную подругу Курбатова, ломая ее возвышенные представления о городе. За броской внешностью, позерством и наигранностью Раечки-официантки угадываются тоска по дому и неприкаянность. Красильникова резко критиковали за образ Раечки: одни находили, что писатель необоснованно осудил ее, другие доказывали нетипичность героини. Максимализм писателя, выступающего против раскрестьянивания деревни, в какой-то мере сказался на образе Раи и других «беженцев» из Чураева, но дело здесь не в осуждении. В образе Раи писатель показал драматизм того нового, что несет в себе молодое поколение деревни – разрыв родовых связей, преемственности поколений, грозящий национальной истории. Уехав из дома, теряет духовную связь с деревней другой однокашник Курбатова, студент Юрка Черняев. В его биографии институт выглядит таким же случайным пристанищем, как ресторан для Раи, ибо он поступил туда без ясной цели, а лишь потому, что видел свое будущее только в вузе, безразлично в каком. Скитается по чужим краям в погоне за рублем, мучаясь и сознавая, что не может преодолеть тяги к родным хлебным полям, и старший брат Алеши, Сергей Курбатов.

В повести ощутимо публицистическое начало. Своей направленностью против бюрократизма она созвучна произведениям русской

литературы «овечкинского» направления, но в целом для нее характерен «лирический тип познания» действительности, обусловленный национальной ментальностью. Поэтому здесь более правомерно говорить о воздействии на удмуртскую повесть стилиевой манеры «лирической» прозы (В. Астафьев, Ю. Казаков и др.). Писатель погружает читателя в атмосферу повседневного национального жизненного уклада, сосредоточивая его внимание не на исключительных ситуациях, а на текущих человеческих заботах и проблемах. Это достигается за счет нового для удмуртской литературы тех лет способа сюжетосложения: ослабление событийной основы, выход на первый план разных душевных состояний героя. Например, жизнеописание Алеши Курбатова дается автором в двух ипостасях. План внешний, традиционный – это, собственно говоря, биографические факты и эпизоды, обрисовывающие общую картину жизни героя: окончание школы, попытка поступления в вуз, первый день работы в колхозе, овладение мастерством скирдования снопов, плотничьим ремеслом, получение специальности электромонтера, затем механизатора, работа на комбайне во время жатвы. И одновременно писатель шаг за шагом прослеживает формирование у героя новых нравственных представлений, пропуская событийную сторону повествования через его сознание. «На повороте я оглянулся. Юрка остался далеко позади, отсюда он казался грачом, одиноко стоящим на жнивье. Что ж, так получилось. Сидели мы за одной партией, были неразлучны и думали, что так будет всегда. Но вот прошел год, всего лишь один год... Встретились, и не нашлось у нас друг для друга хороших слов. Между нами лег глубокий овраг. <...> Видно, год с годом не сходятся, разные они бывают. <...> Да ты с человеком хоть десять лет за одним столом сиди, но, если нет духовной близости, родства сердец и мыслей, если ваши глаза на жизнь смотрят совершенно по-разному, не получится дружбы» [Красильников, 1960, с. 160]¹.

В развитии внешнего сюжета нередко возникают своеобразные паузы, содержащие лирико-философские раздумья героя о молодости, истории народа, судьбе обыкновенного земледельца. Вместе с тем за лирико-философскими размышлениями, формально принадлежащими герою, стоит более высокое сознание – убеждения и взгляды самого автора. «Рядовой... Ему приходится рано вставать, он поднимается вместе с рождающимся днем. <...> Не смотрите, что на нем небогатая одежда: зимой ему тепло в легонькой куртке, в летнюю пору он довольствуется одной рубашкой. Нет, не судите его за скромность наряда –

¹ Здесь и далее удмуртский текст в дословном переводе автора. – Т.З.

разве она красит рабочего человека? <...> Рядовой человек, он умеет делать все!... Иногда мне приходит мысль, что со временем не будет никаких паспортов. Вместо паспорта будет трудовая книжка: ведь по ней можно безошибочно определить, какое место занимает человек в жизни. Честное слово, мне очень хочется верить, что так оно и будет» [Красильников, 1960, с. 181].

Завершается повесть сценой жатвы, изображающей молодого героя в тот момент, когда ему доверена новая машина. Алеша Курбатов, стоя на подмостках комбайна, испытывает душевный подъем, ощущает себя частицей большого целого, то есть частью народа, его судьбы. В герое происходит внутренний сдвиг, позволяющий ему ощутить веру рядовых людей в высшую справедливость миропорядка, хранимому трудом и добропорядочностью самого человека. Г. Красильников с позиции, очень близкой русской «деревенской» прозе «шестидесятников» (Ф. Абрамов, В. Распутин, В. Белов и др.), радел за удмуртскую «глубинку», чувствовал надвигающуюся трагедию забвения национальных традиций, появления неустребованных личностей.

Испытывая воздействие разных творческих направлений русской литературы, а также ориентируясь на гуманистические традиции мировой культуры, Г. Красильников особенно плодотворно питался из народного источника. Это проявилось и во введении элементов сказа в повествовательную манеру героя, и в кольцевой композиции произведения, своеобразно обрамленной притчей о «рождении» речки Чурайки, и в живом, абсолютно гибком языке, обусловленном стилевой установкой писателя, его ориентацией на народную разговорную речь. Лиризм, эмоциональная поэтичность повести создаются посредством включения в ее ткань колыбельных и игровых песен, поговорок, образных сравнений: «По зорьке наперед не угадаешь, какой народится день – то ли ведро, то ли дождь»; «Глупа та птица, которой свое гнездо не мило»; «В одиночку и мед горек, а в семье каша гуще»; «наел шею на чужом»; «видом ты орел, а умом – тетерев»; «как запрягать – так дугу загигать» и др.

Г. Красильников, как истинно национальный писатель, тонко подмечает традиционные черты характера удмуртского крестьянина – бережливость и рачительность: «Старик Парамон кончил обедать, старательно завернул каждый стакан в отдельную тряпочку, потом завязал ниткой и уложил в кожаную сумку. Крошки хлеба с колен он тоже бережно собрал в ладонь и высыпал в рот. Затем незаметно покосился в мою сторону и торопливо, будто отмахиваясь от слепня, перекрестился» [Красильников, 1960, с. 49].

Важное достижение Г. Красильникова – внимание к личности современника, простого человека из деревни, его внутреннему миру, духовно-нравственному облику, синтез лиризма с безусловным доверием к жизни. Это и приподняло планку художественности в национальной литературе, легло в основу ее дальнейшего развития и обновления повествовательных структур. Сегодня со стороны приверженцев нового стиля в литературе, произведения которых причисляются некоторыми нашими критиками к постмодернизму, высказывается немало претензий к прозе удмуртских «шестидесятников», поскольку якобы «молодежь эти книги почти не читает», прозаики «не зовут к богатой, достойной жизни», а пишут «про развалившееся село и бесконечное пьянство» [Арзамазов, 2005, с. 3]. Однако нельзя не видеть, что поиски «экспериментальным» героем своего личного пространства в современной действительности, хаотично растерявшей традиционные национальные ценности, есть результат литературного процесса, берущего свое начало в духовной атмосфере «оттепели» 1960-х годов.

Литература

Арзамазов А.А., Захаров П.М. Путь к себе лежит через Европу // Удмуртская правда. 2005. 30 ноября.

Домокош П. История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск, 1993.

Зайцев В.А., Герасименко А.П. История русской литературы второй половины XX века : учебник. М., 2004.

Красильников Г.Д. Весь свой талант и жар сердец – родному народу! : интервью с писателем // Удмуртская правда. 1967. 4 июня.

Красильников Г.Д. Тонэн кылисько (Остаюсь с тобой) : повесть и рассказы. Ижевск, 1960.

Никонова Т.А. Путь к «хорошему человеку». Проза В. Аксенова 60-х годов : учебное пособие // Русская литература XX века. Воронеж, 1999.

Шкляев А.Г. Времена литературы – времена жизни : статьи об удмуртской литературе. Ижевск, 1992.